

XVII PREMIO DE TRADUCCIÓN FRANCISCO AYALA

Тэффи

1. БЛИН.

Это было давно. Это было месяца четыре назад.

Сидели мы в душистую южную ночь на берегу Арно.

То есть сидели-то мы не на берегу, - где же там сидеть: сыро и грязно, да и неприлично, - а сидели мы на балконе отеля, но уж так принято говорить для поэтичности.

Компания была смешанная - русско-итальянская.

Так как между нами не было ни чересчур близких друзей, ни родственников, то говорили мы друг другу вещи исключительно приятные.

В особенности в смысле международных отношений.

Мы, русские, восторгались Италией. Итальянцы высказывали твердую, ничем несокрушимую уверенность, что Россия также прекрасна. Они кричали, что итальянцы ненавидят солнце и совсем не переносят жары, что они обожают мороз и с детства мечтают о снеге.

В конце концов мы так убедили друг друга в достоинствах наших родин, что уже не в состоянии были вести беседу с прежним пафосом.

- Да, конечно, Италия прекрасна, - задумались итальянцы.

- А ведь мороз, - он... того. Имеет за собой... - сказали и мы друг другу.

И сразу сплотились и почувствовали, что итальянцы немножко со своей Италией зазнались и пора показать им их настоящее место.

Они тоже стали как-то перешептываться.

- У вас очень много шипящих букв, - сказал вдруг один из них. - У нас язык для произношения очень легкий. А у вас все свистят да шипят.

- Да, - холодно отвечали мы. - Это происходит от того, что у нас очень богатый язык. В нашем языке находятся все существующие в мире звуки. Само собой разумеется, что при этом приходится иногда и присвистнуть.

- А разве у вас есть "ти-эч", как у англичан? - усомнился один из итальянцев. - Я не слыхал.

- Конечно, есть. Мало ли что вы не слыхали. Не можем же мы каждую минуту "ти-эч" произносить. У нас и без того столько звуков.

- У нас в азбуке шестьдесят четыре буквы, - ухнула я.

Итальянцы несколько минут молча смотрели на меня, а я встала и, повернувшись к ним спиной, стала разглядывать луну. Так было спокойнее. Да и к тому же каждый имеет право созидать славу своей родины, как умеет.

Помолчали.

- Вот приезжайте к нам ранней весной, - сказали итальянцы, - когда все цветет. У вас еще снег лежит в конце февраля, а у нас какая красота!

- Ну, в феврале у нас тоже хорошо. У нас в феврале масленица.

- Масленица. Блины едим.

- А что же это такое блины?

Мы переглянулись. Ну, как этим шарманщикам объяснить, что такое блин!

- Блин, это очень вкусно, - объяснила я. Но они не поняли.

- С маслом, - сказала я еще точнее.

- Со сметаной, - вставил русский из нашей компании.

Но вышло еще хуже. Они и блина себе не уяснили, да еще вдобавок и сметану не поняли.

- Блины, это - когда масленица! - толково сказала одна из наших дам.

- Блины... в них главное икра, - объяснила другая.

- Это рыба! - догадался, наконец, один из итальянцев.

- Какая же рыба, когда их пекут! - рассмеялась дама.

- А разве рыбу не пекут?

- Пекут-то пекут, да у рыбы совсем другое тело. Рыбное тело. А у блина - мучное.

- Со сметаной, - опять вставил русский.

- Блинов очень много едят, - продолжала дама. - Съедят штук двадцать. Потом хворают.

- Ядовитые? - спросили итальянцы и сделали круглые глаза. - Из растительного царства?

- Нет, из муки. Мука ведь не растет? Мука в лавке.

Мы замолчали и чувствовали, как между нами и милыми итальянцами, полчаса назад восторгавшимися нашей родиной, легла глубокая, темная пропасть взаимного недоверия и непонимания.

Они переглянулись, перешепнулись.

Жутко стало.

- Знаете, что, господа, - нехорошо у нас как-то насчет блинов выходит. Они нас за каких-то вралей считают.

Положение было не из приятных.

Но между нами был человек основательный, серьезный - учитель математики. Он посмотрел строго на нас, строго на итальянцев и сказал отчетливо и внятно:

- Сейчас я возьму на себя честь объяснить вам, что такое блин. Для получения этого последнего берется окружность в три вершка в диаметре. Пи-эр квадрат заполняется массой из муки с молоком и дрожжами. Затем все это сооружение подвергается медленному действию огня, отделенного от него железной средой. Чтобы сделать влияние огня на пи-эр квадрат менее интенсивным, железная среда покрывается олеиновыми и стеариновыми кислотами, т. е. так называемым маслом. Полученная путем нагревания компактная тягуче-упругая смесь вводится затем через пищевод в организм человека, что в большом количестве вредно.

Учитель замолчал и окинул всех торжествующим взглядом.

Итальянцы пошептались и спросили робко:

- А с какой целью вы все это делаете?

Учитель вскинул брови, удивляясь вопросу, и ответил строго:

- Чтобы весело было!

2. ШИРОКАЯ МАСЛЕНИЦА.

Из кухни несется чад, густой, маслянистый. Он режет глаза, и собравшиеся у закуски гости жмурятся и мигают.

- Блины несут! Блины несут! Несут,

Но вам не хватит. Ваш сосед взял два последних, а вам придется подождать “горяченьких”.

Но, когда принесут “горяченьких”, окажется, что большинство уже съело первую порцию, - и прислуга начинает подавать опять сначала.

На этот раз вам достается блин - один, всеми отвергнутый, с драным боком и дыркой посередине.

Вы берете его с кротким видом сиротки из хрестоматии и начинаете искать глазами масло.

Масло всегда бывает на другом конце стола. Это печальный факт, с которым нужно считаться. Но так как со своим маслом приходиться в гости не принято, то нужно покориться судьбе и жевать голый блин.

Когда вы съедите его, - судьба, наверное, улыбнется, и вам передадут масло с двух сторон сразу. Судьба любит кротких и всегда награждает их по миновании надобности.

На самом почетном месте стола сидит обыкновенно блинный враль. Это просто-напросто хитрый обжора, который распускает о себе слухи, что он может съесть тридцать два блина.

Благодаря этому он сразу делается центром внимания. Ему первому подают, его блины прежде других подмамливаются и сдабриваются всякими масленичными аксессуарами.

Съев штук пятнадцать-двадцать, - сколько аппетита хватит, - с полным комфортом, он вдруг заявляет, что блины сегодня не совсем так испечены, как следует.

- Нет в них чего-то такого, этакое, - понимаете? Неуловимого. Вот это-то неуловимое и делает их удобосъедаемыми в тридцатидвухштучном количестве.

Все разочарованы. Хозяевы обижены. Обижены, зачем много съел, и зачем никого не удивил.

Но ему все равно.

- Что слава? яркая заплатка на бедном рубище певца!

Он всех надул, поел, как хотел, и счастлив.

Еще несут горяченьких.

Теперь, когда все сыты, вам дают сразу три хороших горячих блина.

Вы шлепаете их на тарелку и в радостном оживлении окидываете глазами стол.

Направо от вас красуется убранный зеленью блюдо из-под семги, налево - аппетитный жбан из-под икры, а прямо у вашей тарелки приютилась мисочка, в которой пять минут назад была сметана.

Хозяйка посмотрит на вас такими умоляющими глазами, что вы сразу громко закричите о том, что блины, собственно говоря, вкуснее всего в натуральном виде, без всяких приправ, которые, в сущности, только отбивают настоящий вкус, и что истинные ценители блина предпочитают его именно без всяких приправ.

Я видела как-то за блинами молодого человека великой души, который, под умоляющим взглядом хозяйки, сделал вид, что нашел в пустой банке икру и положил ее себе на тарелку. Мало того, он не забывал на кусок блина намазывать эту воображаемую икру и проделывал все это с такой самоотверженной

искренностью, что следившая за ним хозяйка даже в лице изменилась. Ей, вероятно, показалось, что она сошла с ума и лишилась способности видеть икру.

После блинов вас заставят есть никому не нужную и не милую уху и прочую ерунду, а когда вам захочется спать, - вас потащат в гостиную и заставят разговаривать.

Пожалуйста, только не вздумайте взглянуть на часы и сказать, что вам нужно еще написать два письма. Посмотрите на себя в зеркало, - ну кто вам поверит?

Лучше прямо подойдите к хозяйке, поднимите на нее ваши честные глаза и скажите просто:

- Я спать хочу.

Она сразу опешит и ничего не найдет сказать вам.

И пока она хлопает глазами, вы успеете со всеми попрощаться и улизнуть.

А хозяйка долго будет думать про вас, что вы шутник.

Так чего же лучше?

Fuente: Наука и жизнь” No 2 1996 г, с.148-149

Organizan:

FACULTAD
DE TRADUCCIÓN
E INTERPRETACIÓN

UNIVERSIDAD
DE GRANADA

fundación FRANCISCO AYALA